

Натали Бурма

Поляна
первого шага

Натали Бурма
Поляна первого шага

«Автор»

2026

Бурма Н.

Поляна первого шага / Н. Бурма — «Автор», 2026

Она мечтала танцевать, но двадцать лет прикована к инвалидной коляске. Ее мать - медсестра, ставшая дворником, - каждое утро спускает дочь с четвертого этажа без лифта в старом, пропахшем газом мире, где чудеса случаются только в дешевых сериалах. Но однажды осенью, спасая бездомного котенка от собаки, Ника и Анна попадают в Леопардию - фиолетовый мир под двумя солнцами, где живут оборотни, а магия способна исцелять. Здесь Ника впервые встает на ноги, а ее мать обретает не только новую профессию, но и любовь. Однако за сказочным фасадом скрывается реальность: придворные интриги, смертельная болезнь ребенка и выбор между возвращением в привычную боль и новой жизнью, полной риска. «Поляна первого шага» - это роман о том, что даже в самой серой рутине может распусться цветок надежды, о силе материнской любви, способной сдвинуть небеса, и о том, что чудеса случаются, если не бояться сделать первый шаг. Настоящая сказка для взрослых, от которой невозможно оторваться.

© Бурма Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог Четвёртый этаж без лифта	5
Глава 1 Девушка, которая мечтала танцевать	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Поляна первого шага

Пролог Четвёртый этаж без лифта

Пахло газом.

Этот запах - вьедливый, сладковато-едкий - стал таким же привычным, как стук собственного сердца. Анна открыла глаза за минуту до будильника. Пять утра. Суббота.

Она лежала на разложенном диване, вслушиваясь в тишину. Где-то за стеной, через тонкую хрущёвскую перегородку, бормотал телевизор - соседка сверху, тётя Клава, не спала ночами. Снизу доносился размеренный храп дяди Гриши. А в двух метрах от неё, на узкой кровати у окна, спала Ника.

Анна приподнялась на локте, вглядываясь в полумрак. Дочь лежала на боку, голову повело в привычном неестественном наклоне, руки чуть подрагивали даже во сне. Дыхание ровное. Лицо спокойное. Анна выдохнула - каждый раз задерживала дыхание, когда смотрела на спящую дочь, словно боялась, что однажды не увидит этого ровного подъёма груди.

Она бесшумно поднялась. Диван жалобно скрипнул - старые пружины. Анна замерла. Ника не пошевелилась. Босиком по линолеуму - холодному, с пузырями в углах - она прошла на кухню. Три шага от дивана до дверного косяка, ещё два до газовой колонки. Включила свет. Лампочка под потолком без абажура моргнула и загорелась жёлтым, выхватив из темноты кафельный фартук с отколотым углом, раковину с подтекающим краном, стол, покрытый клеёнкой в цветочек, которую она меняла последний раз, когда Нике было десять.

Чайник поставила на конфорку. Чиркнула спичкой - руки привычно, провернули вентиль, поднесли огонь. Газ чихнул и занялся ровным синим пламенем.

Пока грелась вода, Анна достала из шкафчика пачку «Принцессы Нури» - дешёвый чай в пакетиках, по акции брала в «Пятёрочке». Пластмассовая хлебница, с крышкой - хранила половину буханки. Анна отрезала два ломтя. Один положила на тарелку, второй - себе. Масло - жёлтое, в мягкой упаковке - намазала тонким слоем, до прозрачности.

Хлеб хрустнул на зубах - вчерашний, но не чёрствый. Масло таяло на языке, оставляя жирный привкус. Она запила его обжигающим чаем - крепким, с горчинкой, без сахара. Сахар кончился в четверг, получка в понедельник.

Анна смотрела в окно. Там, за мутным стеклом, занимался серый осенний рассвет. Двор, заставленный ржавыми «Жигулями», мокрые листья на асфальте, качели с отломанной доской. Дом напротив - такая же серая пятиэтажка, с облупившейся штукатуркой и покосившейся антенной на крыше.

Она вспомнила, как двадцать лет назад смотрела в это же окно, держа на руках трёхмесячную Нику. Тогда ещё не было этих морщин - глубоких, как трещины на высохшей земле. Не было седины в русых волосах, которые она стягивала в хвост резинкой. Не было этой постоянной тяжести в поясице и боли в коленях.

Нике только что поставили диагноз. ДЦП. Родовая травма. Гипоксия. Анна тогда не спала трое суток - всё читала медицинские справочники, взятые в районной библиотеке. Искала слово «излечимо». Не нашла.

Она работала медсестрой в городской больнице, в хирургии. График - сутки через трое. Соседка баба Зина, помогала смотреть за Никой. А потом Нике отказали в яслях. «Специализированное учреждение, - сказала заведующая, не глядя в глаза. - Или домашний уход». Анна уволилась на следующий день.

Чай остыл. Анна допила его залпом, ополоснула кружку - «Мир. Труд. Май», отколотая эмаль - и поставила на сушку. На часах-ходиках - старых, немецких, доставшихся от бабки - половина шестого. Пора.

Она тихо прошла в ванную. Умылась, почистила зубы пастой «Новый жемчуг». Переоделась в домашнее - старый спортивный костюм, на коленках вытертый, футболка с надписью. И пошла в комнату.

Ника спала на спине, закинув дрожащую руку на подушку. В сером утреннем свете, пробивающемся сквозь ситцевую занавеску, она выглядела ребёнком. Узкие плечи, бледная кожа, волосы - такие же русые, как у матери - разметались по подушке. Ей было двадцать лет, но в ней до сих пор угадывалась та девчонка, которая в пять лет впервые сказала «мама» - невнятно, через силу, с трудом выталкивая звуки из непослушного рта. Анна тогда плакала два часа.

Она села на край кровати - кровать жалобно скрипнула. Положила ладонь на плечо Ники, сжала легонько.

- Ника, солнышко, просыпайся.

Дочь открыла глаза. Серые - как у Анны. В них сразу, за долю секунды, промелькнуло что-то - испуг? узнавание? боль? - и тут же погасло, сменившись привычной тихой грустью.

- Мам, - прошептала Ника. Говорила она медленно, растягивая слова, иногда заикаясь на согласных. - Доброе... утро.

- Доброе, родная. - Анна погладила её по голове. - Как спалось?

Ника поморщилась - правая нога свело судорогой, Анна видела, как напряглись мышцы под тонким одеялом. Дочь не жаловалась. Давно перестала жаловаться.

- Спала. Кошмаров... не было.

Анна кивнула. Было время - года два назад - когда Нике каждую ночь снилось, что она падает. Бесконечно падает в чёрную пустоту, не может закричать, не может схватиться за край. Анна спала рядом, положив руку на дочь, чтобы та чувствовала тепло. А когда Ника просыпалась с мокрым лицом и дрожащими губами, Анна шептала: «Я здесь. Ты не упадёшь. Я держу».

Сейчас это прошло. Или Ника просто перестала рассказывать.

- Давай массаж делать? - спросила Анна, хотя знала ответ.

- Давай.

Ника закрыла глаза, когда мать стащила одеяло. Тело дочери - тонкое, с плохо развитой мускулатурой, с искривлённой спиной и поджатыми, напряжёнными ногами - было для Анны картой боли. Каждый позвонок, каждая скрученная мышца, каждый сустав, который не разгибался до конца. Она знала это тело лучше своего.

Массаж начинался с рук. Анна брала кисть Ники - холодную, с длинными тонкими пальцами, которые дрожали даже в покое - и начинала медленно, круговыми движениями разминать каждый сустав. Нежно. Без рывков. Ника иногда вздрагивала - слишком чувствительно, но молчала.

- Как вчера... двор мела? - спросила Ника, не открывая глаз.

- Нормально. Дождь был, листва прилипла. Тяжело.

- А дядя Гриша... приходил?

- Приходил. - Анна перешла к предплечью, разминая двуглавую мышцу. - Пьяный был.

Ника вздохнула.

- Он всегда... пьяный.

- Он одинокий, - мягко сказала Анна. - Жена ушла, детей нет. Работы нет - с тех пор как спина отказала. Что ему ещё делать?

- Пить?

- Или вешаться. - Анна замолчала, подбирая слова. - Он хороший человек, дочка. Помнишь, когда тебе было три года и я заболела пневмонией, он месяц ходил в магазин, готовил нам суп, носил тебя на руках, чтобы я поспала.

- Помню. - Ника открыла глаза. - Он... дал мне... копилку. Свинью. Синюю.

- Она до сих пор у тебя на полке стоит.

- Я знаю.

Анна перешла к ногам. Это было сложнее - ноги Ники жили своей жизнью, мышцы часто были в гипертонусе, их нельзя было разминать слишком сильно, только поглаживаниями, лёгкими надавливаниями, медленно, очень медленно, чтобы не спровоцировать спазм. Правая - хуже, левая - чуть лучше, но всё равно далеко от нормы. Ника не стояла с девяти лет. Не ходила - с шести. Когда-то она делала несколько шагов по комнате, держась за стену, потом мышцы отказали окончательно.

- Мам, - Ника снова закрыла глаза, голос её был тихим и каким-то отстранённым, - а почему ты... не вышла... замуж?

Руки Анны замерли на колене дочери. Она не ответила сразу - смотрела на исхудавшую дочернюю ногу, на выступающие кости, на бледную, почти прозрачную кожу с синеватыми прожилками вен.

- Тётя Зоя... с пятого этажа, - продолжала Ника, не открывая глаз, - говорила... ты красивая... Могла бы... найти.

- Тётя Зоя много чего говорит, - сухо ответила Анна и продолжила массаж. - Она говорит, что инопланетяне похитили её кота. А кот просто в подвал ушёл крыс ловить.

- Мам.

- Ника.

- Я серьёзно.

Анна вздохнула. Поставила руки на бёдра, выпрямила спину. Смотрела на дочь долго, пока та не открыла глаза - серые, взрослые не по годам.

- Моё счастье, - сказала Анна твёрдо, чеканя каждое слово, - это ты. Ты и есть моя семья. Моя любовь. Моя жизнь. Кому нужен мужик, который будет жаловаться, что ребёнок орет? Или что я не так готовлю? Или что мы не можем позволить себе поехать на море?

Ника молчала. В её глазах блеснули слёзы - она отвернулась к стене.

- Я... обуза, - прошептала она. - Ты из-за меня... работу... бросила.

- Я бросила работу, потому что работа не стоила того, чтобы оставлять тебя в интернате. - Анна наклонилась, взяла лицо дочери в ладони, повернула к себе. - Слышишь меня? Интернат для детей с ДЦП - это не место для жизни. Это выживание. И ты заслуживаешь не выживать, Ника. Ты заслуживаешь жить.

- Я... не живу. - Слёзы покатались по щекам. - Я сижу... в четырёх стенах. Я не могу... сходить... в туалет одна. Я не могу... почесать нос... если чешется. Я...

- Ты можешь мечтать. - Анна вытерла слёзы дочери пальцами. Грубыми, мозолистыми, с навсегда въевшейся грязью под ногтями. - Ты можешь читать. Ты можешь слушать музыку. Ты можешь рассказывать мне стихи. Ты можешь любить. Ты можешь быть мной любимой. Этого, поверь, достаточно. Многим людям и этого не хватает.

Ника молчала, глядя матери в глаза. Потом медленно, через силу, кивнула.

- Ладно. - Голос дрожал. - Ладно. Я... поняла.

- Ты ничего не поняла, - усмехнулась Анна. - И это нормально. Я тоже в двадцать лет ничего не понимала. Думала, что жизнь - это любовь, танцы и исполнение желаний.

- А... что жизнь?

Анна подумала.

- Жизнь - это встать в пять утра, заварить дешёвый чай, намазать масло на чёрствый хлеб, сделать дочери массаж, уйти на работу, где тебя никто не ждёт, вернуться, убрать, приготовить, помыть, уложить, не уснуть от усталости, а потом встать и повторить. - Она помолчала. - И в какой-то момент поймать себя на мысли, что ты счастлива. Потому что твоя дочь дышит. Потому что она улыбнулась. Потому что она сказала «мама». И это - всё.

Ника долго молчала. Потом протянула дрожащую руку и накрыла ею материнскую ладонь.

- Ты... хорошая... мама, - сказала она отдельно, с трудом, но твёрдо. - Самая... лучшая на свете.

Анна не заплакала. Она отвыкла плакать много лет назад - слёзы кончились, высохли, как колодец в засуху. Но что-то сжалось в груди, горячее, острое, как тот самый первый раз, когда она услышала «мама».

- Спасибо, - сказала она. - А теперь давай завтракать. Каша на плите стынет.

- А... что... за каша?

- Рисовая. С маслом.

- С... маслом?

- С маслом, - твёрдо повторила Анна. - Я вчера получила за уколы от бабы Шуры - пятьсот рублей. Купила масло. Настоящее. «Крестьянское». Вкусное.

Ника улыбнулась - редко, с трудом растягивая губы, но улыбка вышла настоящей.

На кухне пахло газом, старой колонкой и ещё чем-то - чем-то сладким и уютным. Рисовая каша, сваренная на молоке с щепоткой соли, с маленьким кусочком масла, которое Анна достала из холодильника - потемневшего, с намерзающим инеем агрегата, купленного ещё при царе Горохе.

Она кормила Нику с ложечки - медленно, терпеливо, давая время проглотить, не давая поперхнуться. Ника иногда отворачивалась - не хотела есть, но Анна не настаивала. Покормит позже, в обед, когда вернётся.

- Сегодня суббота, - сказала Анна, вытирая подбородок дочери полотенцем. - Я работаю только до двух. Потом вернусь, уберёмся, посмотрим телевизор. Передача про животных будет. Про леопардов.

- Леопарды...пятнистые, - сказала Ника. - Красивые.

- Очень. - Анна встала, убрала тарелку в раковину. Вымоешь, справишься?

- Справлюсь, - кивнула Ника. Иногда она могла мыть посуду - медленно, неуклюже, роняя тарелки, но Анна позволяла. Важно было чувствовать себя хоть немного нужной.

Анна переделалась. Рабочая форма - старые джинсы, свитер с катышками, куртка на синтепоне с чужого плеча. Волосы собрала в хвост, натянула кепку. Посмотрела на себя в маленькое зеркало в прихожей - сорок пять лет, выглядит на все пятьдесят, морщины вокруг глаз и рта, руки в мозолях и мелких порезах. «Красивая», - сказала Ника. Анна усмехнулась.

- Я ушла, - сказала она, возвращаясь в комнату. - Дверь запру, никому не открывай. Если что - звони мне.

- Позвоню, - ответила Ника.

Анна наклонилась, поцеловала дочь в лоб.

- Не скучай, - сказала она и вышла.

Запах подъезда ударил в нос - хлорка, которой тётя Клава с пятого этажа мыла полы каждую субботу, кислый запах кошачьей мочи (подвал был заселён бродячими кошками), дешёвый табак, перегар - остатки вчерашнего дяди Гриши. Лестница крутая, ступени стёртые, перила шатаются. Четвёртый этаж. Лифта нет - и не будет никогда.

Анна спускалась быстро, на автомате считая ступеньки. Которые она проходила по несколько раз в день - когда шла на работу, когда возвращалась, когда выносила мусор, когда ходила в магазин. Тысячи раз за пятнадцать лет. Десятки тысяч.

На первом этаже - почтовые ящики с облезшей краской, лавочка с ободраным дерматинном, дверь на улицу, обитая ржавым железом. Анна толкнула её плечом - ручка не открывалась изнутри, только снаружи.

Двор встретил сыростью и запахом прелых листьев. Субботнее утро, половина седьмого, двор был пуст. Только дворник дядя Вася - седой, сутулый, вечно пьяный - курил у мусорных баков.

- Здорово, Анна, - кивнул он. - Опять одна?

- Опять одна, - ответила Анна, беря метлу из подсобки. - А ты?

- А я всегда один. - Он затаился, выпустил дым в серое небо. - Листву сгребать будем.

Мокрая, зараза, тяжёлая.

- Будем.

Они работали молча - Анна сгребала мокрые листья в кучи, дядя Вася грузил их в мешки. Мешки были тяжёлые - намочшая листва весила как мокрый песок. Они таскали их к контейнерам, благо бросать далеко не надо.

Работа дворника - это работа невидимки. Люди проходят мимо, не замечая, пока не наступит скользко или грязно. Пока не поймёт, что почистили. Анне нравилась эта незаметность - можно было думать. О чём угодно. О Нике. О том, не пора ли менять памперсы. О том, хватит ли денег до понедельника. О том, что купить на ужин.

Иногда она думала о прошлом. О том дне в родзале, когда Ника закричала - нет, не закричала, она не могла кричать, она синела, пуповина обвила шею, врачи что-то делали, торопились, кто-то кричал «давление падает», «кесарево», «поздно». Потом темнота. Потом маленькое тельце с закрытыми глазами, которое положили ей на грудь. «Жива», - сказала акушерка. И Анна заплакала - в первый и последний раз при чужих людях.

А потом была реанимация. Потом неонатолог с усталым лицом: «Детский церебральный паралич. Степень тяжести определим позже». Анна не поняла тогда. Вернее, поняла умом, но не сердцем. Сердце отказывалось верить, что её девочка, такая маленькая, такая тёплая, никогда не будет танцевать. Никогда не побежит по травке босиком. Никогда...

Она тряхнула головой, отгоняя мысли. Нельзя. Нельзя сейчас.

К десяти часам управились с двором. Дядя Вася ушёл в подсобку - маленькую каморку с обогревателем, продавленным диваном и вечным запахом махорки - достал кипяtilьник, поставил чай. Анна налила себе кружку.

- Твоя как? - спросил дядя Вася, глядя в кружку.

- Нормально.

- Не нормально, - хмыкнул он. - Не бывает нормально с такой болезнью. Я знаю. У брата сын - такой же. Спинальная мышечная атрофия. Три года назад умер. Девятнадцать лет было. Анна замолчала, сжимая кружку.

- Я не к тому, чтобы пугать, - добавил дядя Вася, спохватившись. - К тому, что ты - молодец. Другие сдаются. А ты - нет.

- Спасибо, - тихо сказала Анна. Выпила чай, поставила кружку. - Мне нужно домой на час, проведать. Вернусь.

- Иди, иди.

Она почти бежала до подъезда, взбежала на четвёртый этаж, открыла дверь. Тишина. В комнате Ника сидела в коляске - специальной, ортопедической, с высокой спинкой и фиксаторами на колёсах - и смотрела в окно.

- Мам, - сказала она, не оборачиваясь. - Ты... рано.

- Перерыв. - Анна подошла, встала рядом. В окне был виден тот же двор, мокрые деревья, качели с отломанной доской. - Как ты?

- Нормально. Дядя... Гриша... заходил.

- Трезвый?

- Пьяный. Через дверь сказал, что... завтра... придёт трезвый. Поможет... спустить коляску.

Анна закрыла глаза. Дядя Гриша каждую субботу клялся, что в воскресенье будет трезвым. И каждое воскресенье приходил с перегаром. Они спускали коляску с четвёртого этажа. Потому что одной Анне было не под силу - коляска тяжёлая, Ника тоже не пушинка, лестница крутая, без лишних рук никак.

- Посмотрим, - сказала Анна. - Ты есть хочешь?

- Не... очень.

- Я принесла. - Анна достала из сумки вкусную булочку с повидлом, которую купила в обед по дороге домой - Поешь.

Ника взяла булочку дрожащей рукой, откусила маленький кусочек. Жевала медленно.

- Мам, - сказала она с набитым ртом. - А... ты веришь... в чудеса?

Анна хотела ответить что-то ироничное - про то, что чудо - это когда колонка не взрывается, или когда Ника не болеет две недели подряд. Но посмотрела на дочь - в её серые глаза, в которых жила такая отчаянная, такая непобедимая надежда, что слова застряли в горле.

- Верю, - сказала она. - Когда ты улыбаешься - я верю.

Ника улыбнулась - той своей редкой, драгоценной улыбкой.

- А мы завтра... пойдём... в парк?

- Завтра - в парк, - пообещала Анна. - Обязательно.

Она провела с дочерью ещё полчаса - помогла сходить в туалет, перестелила постель, поправила подушку. Потом вернулась во двор, доработала до двух.

В два часа пошёл дождь. Мелкий, холодный, осенний. Анна добила последние мешки и пошла домой, мокрая, уставшая, с больной поясницей.

Дома приготовила ужин - макароны с тушёнкой (тушёнка была дешёвая, с жиром и хрящами, но Ника любила). Убралась - протёрла полы, вынесла мусор. Сменила Нике постельное.

В семь вечера пришёл дядя Гриша.

Он был с похмелья - это чувствовалось ещё до того, как он переступил порог. Запах перегара и махорки заполнил коридор, смешался с запахом газа и стирального порошка.

- Анна, привет, - сказал он, вваливаясь в прихожую. Грузный, лысеющий, с красным лицом и добрыми-добрыми глазами. - А я... это...

- Гриша, ты обещал, - устало сказала Анна, закрывая дверь.

- А что я обещал? - Он сел на табуретку у двери, тяжело дыша. - Я всегда... своё слово держу. Завтра... завтра буду трезвый. Как стеклышко. Помогу... спустить... коляску. В парк... пойдём.

- Ты и сегодня так говорил.

- А сегодня... сегодня я выпил... немного потому что... - Он замолчал, сжал голову руками.

- Потому что скучно, Анна. Тоска. Жена ушла. Детей нет. Работы нет. Один... в четырёх стенах. Хоть волком вой.

- У нас тоже четыре стены, - сказала Ника из комнаты. - И ничего... мы... не воем.

Дядя Гриша поднял голову, посмотрел в сторону её голоса.

- Ты - молодец, Ника, - сказал он. - Сильная. Вся в мать. А я - слабак. Пью, потому что слабак.

- Перестань себя жалеть, - бросила Анна, наливая ему чай. - На, выпей, протрезвешь.

Он взял кружку, подул на чай.

- Завтра, Анна. Честно. Буду трезвый. Помогу. Я... когда трезвый, я сильный. Помнишь, как мы коляску в прошлый раз спускали? Я как бык был.

- Как бык после трёх рюмок, - усмехнулась Анна. - Ладно, Гриша. Завтра - в десять утра. Жду трезвым и выбритым. Понял?

- Понял. - Он допил чай, поставил кружку на стол, тяжело поднялся. - Пойду я. Спать. Чтобы... завтра...быть в форме.

- Иди.

Он пошёл к двери, пошатываясь, потом остановился, обернулся.

- Анна, - сказал он тихо. - Ты бы... выходила... замуж. А? Я бы... присматривал... за Никой. Помогал бы.

Анна посмотрела на него долгим взглядом.

- Иди спать, Гриша.

Он ушёл. Хлопнула дверь внизу - он жил этажом ниже. Анна вздохнула, заперла дверь на щеколду.

В комнате горел ночник - керамическая роза, купленная на рынке, с тусклой лампочкой внутри. Ника сидела в коляске, глядя в тёмное окно. На улице моросил дождь.

- Ложимся? - спросила Анна.

- Давай... ещё... посидим, - попросила Ника. - Звёзды... сегодня... видно.

Анна подошла к окну. В щель между тучами действительно проглядывало несколько звёзд - бледных, дрожащих, далёких.

- Загадай желание, - сказала Анна.

- Не... сбываются, - тихо ответила Ника.

- Загадай всё равно.

Ника помолчала. Смотрела на звёзды долго, так долго, что Анна уже подумала - заснула с открытыми глазами. Но потом дочь прошептала:

- Пусть... мама... будет счастлива. А я... как-нибудь.

Анна не ответила. Стояла у окна, положив руку ей на плечо, и смотрела на звёзды. На серое небо. На мокрый асфальт внизу.

Потом она разложила диван, помогла Нике лечь - подняла, перенесла, уложила, поправила подушку и одеяло. Сама легла рядом, на расстоянии вытянутой руки.

В темноте она слушала дыхание дочери - ровное, спокойное, живое. Не спала. Думала о завтрашнем дне. О парке. О коляске, которую нужно спустить. О дяде Грише, который, может быть, будет трезвым.

- Завтра, дочка, - прошептала она в темноту. - Завтра пойдём в парк гулять.

Дождь стучал по подоконнику. Где-то вдалеке лаяла собака. Пахло газом, мокрой листвой и надеждой.

Ника не спала. Она смотрела на звёзды через мутное окно и загадывала желание. Одно и то же. Каждую ночь.

«Пусть мама будет счастлива».

А звёзды молчали.

Но только не этой ночью.

Глава 1 Девушка, которая мечтала танцевать

Ника проснулась от запаха блинов.

Этот запах - тёплый, масляный, с лёгкой горчинкой пригоревшего краешка - проник в её сон, свернулся там рыжим котёнком и мягкими лапами вытолкнул на поверхность сознания. Она открыла глаза - серый утренний свет, ситцевая занавеска, трещина на потолке в виде карты Африки. И запах. Такой знакомый и такой вкусный.

- Мам? - позвала Ника. Голос хриплый со сна, слова выходят с трудом, но мать слышит - всегда слышит.

- Проснулась, соня! - Голос Анны доносился с кухни, и в нём - Ника не поверила своим ушам - звучала музыка. Не радио, нет - сама Анна напевала что-то старомодное, из тех песен, которые крутили до её рождения. - Сейчас несусь!

Ника попыталась приподняться на подушке. Тело слушалось плохо - как всегда по утрам: мышцы затекли, руки дрожали сильнее обычного, шея сама сворачивалась в привычный неестественный наклон. Она зажмурилась от отчаяния, которое приходило каждое утро и уходило только к вечеру, когда усталость пересиливала боль. Но сегодня запах блинов был сильнее отчаяния.

Анна вошла с подносом - старым, фанерным, расписанным петушками. На подносе дымилась тарелка с горкой блинов, таких тонких, кружевных, с коричневыми подпалинами по краям. Рядом - блюдо со сгущёнкой, ложка и кружка чая.

- Воскресный завтрак, - объявила Анна, ставя поднос на тумбочку. Она выглядела иначе - Ника заметила сразу. Волосы не в хвосте, а распущены, падают на плечи. На лице - не усталость, а что-то другое, чему Ника не сразу нашла название. Ожидание. Анна ждала чего-то. Или кого-то.

- Мам, что... случилось? - спросила Ника, пытаясь сесть ровнее.

- Ничего не случилось. - Анна подложила под спину дочери подушку, поправила одеяло.

- Воскресенье. Хорошая погода. Дядя Гриша обещал быть трезвым. Мы идём в парк.

Ника замерла.

- Правда?

- Правда. - Анна взяла блин, свернула треугольником, макнула в сгущёнку и поднесла к Никиным губам. - Открывай рот.

Ника послушно открыла рот. Тёплый блин растаял на языке - сладкий, масляный, невероятный. Она чуть не заплакала. Анна не пекла блинов уже давно. Ника не могла вспомнить, когда в последний раз ела блины. Может быть, на прошлый день рождения? Или на Новый год?

- Вкусно? - спросила Анна.

- Очень, - прошептала Ника, прожёвывая. - Ты... испекла... специально?

- Специально. - Анна кормила дочь, ловко сворачивая один блин за другим. - Я вчера после работы зашла в магазин. Взяла яйца, молоко, муку. Утром встала в половине пятого, замесила тесто.

- В... половине... пятого?

- А что мне, спать, что ли? - усмехнулась Анна. - Сегодня важный день.

Ника смотрела на мать, и в груди разрасталось что-то тёплое, огромное, невыразимое. Она хотела сказать «спасибо», но слова застревали - было их мало, всегда мало, и они не вмещали всего, что она чувствовала. Поэтому она просто жевала блины, пила чай и позволяла себе верить, что сегодня будет хороший день.

В дверь постучали ровно в десять.

Три коротких удара - дяди Гришина манера. Анна пошла открывать, вытирая руки о фартук. Ника прислушалась - голоса в прихожей, женский и мужской, обычные приветствия, потом шаги. И когда дядя Гриша вошёл в комнату, Ника не узнала его.

Он был трезв.

Это было так неожиданно, что Ника на секунду потеряла дар речи. Дядя Гриша - старый добрый выпивоха с нижнего этажа - стоял на пороге её комнаты выбритый, причёсанный, пахнущий одеколоном. Не перегаром, не махоркой, а «Шипром» - дешёвым, резким, но таким праздничным.

- Здравствуй, Ника, - сказал он, и голос его был твёрдым, без привычной пьяной сипоты. - Готова?

- Дядя... Гриша, - выдохнула Ника. - Вы... трезвый.

- А что я говорил? - Он подмигнул, но в глазах мелькнула - на секунду - такая горечь, что Ника почувствовала себя виноватой. - Слово дал - держу. Сегодня мы идём в парк. Я помогу.

Анна подошла к коляске - старой, видавшей виды, с протёртым сиденьем и погнутому колесом, которое вечно скрипело.

- Ну что, дочка, - сказала она, наклоняясь, чтобы застегнуть ремни. - Собирайся. Плед тёплый возьми, шапку, перчатки. Осень всё-таки.

- Шапку... не хочу, - капризно сказала Ника, и сама удивилась этому тону - она не капризничала с детства.

- Наденешь, - твёрдо ответила Анна. - Ветер холодный.

Сборы заняли полчаса. Анна одела Нику как куклу - тёплые колготки, шерстяные носки, джинсы, свитер, куртку, шапку, шарф. Поверх - тёплый клетчатый плед, старый, дырявый, но уютный. Дядя Гриша ждал в коридоре.

- Готовы? - спросил он, когда Анна выкатила коляску в прихожую.

- Готовы, - ответила Анна.

- Тогда - пошли.

Спуск коляски с четвёртого этажа - это был ритуал. Ритуал, который требовал терпения, сноровки и точной координации. Лифта в доме не было - и никогда не будет, поэтому каждое воскресенье, если погода позволяла, они преодолевали кучу ступенек.

Анна взялась за ручки коляски сзади. Дядя Гриша - спереди, за бампер.

- Готовы? - спросила Анна.

- Готовы, - ответил дядя Гриша. - На счёт три. Раз... два... три!

Коляска накренилась, колёса оторвались от пола. Дядя Гриша тянул на себя, Анна толкала - они действовали синхронно, как два колеса одной телеги. Первая ступенька - удар, скрип, коляска плюхается колёсами на следующую. Вторая - легче, ритм пойман. Третья, четвёртая, пятая.

Ника сидела в коляске, вцепившись в подлокотники побелевшими пальцами. Она не боялась - привыкла. Но каждый раз, когда коляска наклонялась, в животе что-то падало - сладкий, пьяный страх, смешанный с благодарностью и стыдом. Стыд - за то, что она не может пройти эти ступеньки сама. Не может, никогда не сможет, а мать и дядя Гриша надрываются, потеют, рискуют уронить.

- Дыши, дочка, - сказала Анна, заметив напряжение. - Всё хорошо.

- Дышу, - ответила Ника, но дыхание сбивалось.

На площадке между третьим и четвёртым этажом пахло хлоркой - тётя Клава уже прошла с ведром. Чей-то рыжий кот сидел на подоконнике и смотрел на них золотыми глазами с таким выражением, будто знал что-то, чего не знали они.

- Здравствуй, Васька, - сказал дядя Гриша коту. - Смотри, мы гулять пошли. А ты - сиди.

Кот моргнул и отвернулся.

Оставалось два пролёта. Анна чувствовала, как ноют мышцы - спина, руки, плечи. Дядя Гриша кряхтел, но не жаловался. Они несли коляску - несли бережно, словно хрупкий груз, словно стеклянную принцессу в стеклянном гробу.

- Передохнём, - сказала Анна, когда до первого этажа оставалось чуть-чуть.

- Передохнём, - согласился дядя Гриша.

Они поставили коляску на площадку. Дядя Гриша вытер пот со лба рукавом. Анна поправила плед на Никиных коленях.

- Ты как, дочка?

- Нормально, - ответила Ника, хотя внутри всё тряслось. - Ещё... немного.

- Ещё немного, - кивнула Анна.

Последние ступеньки дались легче - то ли потому, что конец близко, то ли потому, что они привыкли. Коляска перевалилась через порог входной двери, и Ника зажмурилась от яркого - неожиданно яркого - осеннего солнца.

Двор встретил их запахом мокрого асфальта и прелых листьев, которые дядя Вася ещё не успел убрать. Небо было чистым, светло-голубым, с редкими перистыми облаками. Берёзы во дворе уже пожелтели, клены покраснели, воздух пах яблоками - кто-то на балконе сушил антоновку.

- Ну что, - сказал дядя Гриша, закуривая - теперь можно, на улице, - в парк?

- В парк, - кивнула Анна.

Парк находился в двух кварталах от дома. Дорога туда была целым приключением - бордюры, лестницы, разбитый тротуар, который местные власти не ремонтировали лет десять. Анна толкала коляску, объезжая ямы и кочки, дядя Гриша шёл рядом, курил и рассказывал истории из своей прошлой жизни - когда он работал грузчиком в порту, таскал ящики по двенадцать часов, пил, но тогда была причина: усталость. А сейчас причина есть только одна - нечего делать.

Ника слушала вполуха, разглядывая мир. Мир за пределами квартиры, двора, привычных четырёх стен.

Но сегодня ей везло. Анна выбрала маршрут через аллею, где деревья росли в два ряда, смыкаясь кронами над головой. Жёлтые и красные листья падали медленно, кружились в слабом ветре и ложились на плед, на Никины колени, на её сложенные руки.

- Красиво, - прошептала Ника.

- Очень, - согласилась Анна.

Парк встретил их запахом полыни и гниющих яблок. Где-то за деревьями была старая яблоневая аллея - никто не собирал упавшие плоды, и они лежали на земле, привлекая ос и шмелей, пахли сладко и терпко одновременно.

Анна толкнула коляску по дорожке, вымощенной плиткой - местами целой, местами разбитой. Дядя Гриша отстал, сел на скамейку, закурил очередную сигарету.

- Я тут покурю, - крикнул он. - Вы идите, я догоню.

- Сиди, - махнула рукой Анна.

Они ехали по аллее, и Анна читала Нике стихи. Она всегда так делала - когда Ника была маленькой, Анна читала ей вслух всё подряд: рецепты, инструкции к лекарствам, объявления в газетах. Потом перешла на стихи - учила их специально, чтобы дочь слышала красивую речь, запоминала слова, училась говорить.

- «Я вас любил: любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем...» - читала Анна.

- Пушкин, - сказала Ника.

- Молодец, узнала.

- Я... всё... твои стихи... знаю.

- Знаешь. - Анна улыбнулась. - А этот?

- «Сижу за решёткой в темнице сырой...»

- Не надо, грустно. Давай что-нибудь весёлое.

- Весёлого... нет, - вздохнула Ника. - Поэты... редко... весельчаками... были.

Анна хотела ответить, но вдруг заметила, что Ника изменилась в лице. Смотрела не вперёд, а в сторону - в кусты, растущие вдоль аллеи. Напряглась, подалась вперёд, насколько позволяло её непослушное тело.

- Mam, - сказала она тихо. - Смотри.

Из кустов выскочил котёнок.

Он был маленьким и невероятно красивым. Золотистая шерсть, чёрные пятна, разбросанные по спине и голове как у маленького леопарда. Хвост трубой, глаза - огромные, зелёные, полные страха.

Котёнок выскочил из кустов, огляделся, заметил коляску и замер. Потом - или страх придал ему смелости, или он искал спасения - рванул прямо к Нике.

- Mam, - снова сказала Ника, но Анна уже всё видела.

Следом за котёнком, раздвигая кусты, вылетела большая чёрная собака.

Огромная, без намордника, с красным ошейником и жёлтыми глазами. Овчарка или метис - Анна не разбиралась в породах, но пёс был страшным. Лаял, скалился, из пасти капала слюна.

- Уберите собаку! - закричала Анна, но поблизости никого не было.

Котёнок заметался - туда-сюда, прижимаясь к земле, ища укрытие. Собака насадала, щёлкая зубами в сантиметре от золотистого хвоста.

И тогда Ника сделала то, чего Анна не могла предугадать.

Она выбросила вперёд руки - дрожащие, слабые, почти бесполезные руки. Котёнок прыгнул к ней на колени, Ника прижала его к груди, накрыла собой, сгорбилась, принимая удар.

Собака прыгнула.

Коляска накренилась - тяжёлое тело пса ударило в борт. Зубы щёлкнули у самого Никиного локтя, когти разодрали плед. Анна закричала, отбиваясь - закричала так, как не кричала никогда: дико, отчаянно, как мать, защищающая дитя. Она схватила с земли первую попавшуюся палку - сухую, хрупкую - и изо всех сил ударила собаку по морде.

- Пошла! Пошла вон, тварь!

Собака отскочила, зарычала, но не уходила. Стояла в трёх метрах, скалилась, жёлтые глаза горели бешенством.

- Ко мне! - раздался вдруг мужской голос. Ко мне, я сказал!

Из-за поворота аллеи выбежал мужчина в спортивном костюме, с поводком в руке. Он схватил собаку за ошейник, натянул намордник - всё это время пёс рычал и вырывался.

- Извините, - тяжело дыша, сказал мужчина. - Сорвалась... я на минуту отвернулся...

- Уведите её, - ледяным голосом сказала Анна. - Немедленно.

Мужчина увёл собаку. Они скрылись за деревьями, лай затих. Анна опустила палку - руки тряслись. Она повернулась к дочери.

- Ника! Ты цела?

Ника медленно, очень медленно выпрямилась. На груди у неё, вжавшись в свитер, дрожал маленький золотистый комочек. Котёнок смотрел на неё огромными зелёными глазами - в них не было страха. В них было доверие.

- Я... цела, - прошептала Ника. - Mam... он... спасся.

Котёнок вдруг замурлыкал. Громко, на весь парк, как маленький трактор. Он потёрся мордочкой о Никину ладонь, лизнул шершавым языком дрожащий палец.

- Какой... красивый, - выдохнула Ника. - Как... леопард. Mam, можно... мы его... заберём?

- Ника, у тебя аллергии нет, но...

- Mam, пожалуйста. - Ника подняла на мать глаза - полные слёз, надежды, той самой отчаянной надежды, которой Анна никогда не могла противиться. - Пожалуйста.

Анна вздохнула. Посмотрела на котёнка - тот сидел на Никиных коленях, умывался лапой, такой домашний, такой живой. Наверное, чей-то. Но в парке никого не было, кроме них, где-то там дяди Гриши на скамейке и ушедшего мужчины с собакой.

- Ладно, - сказала Анна. - Заберём. Но если найдётся хозяин - отдадим.

- Найдётся... не найдётся, - пробормотала Ника, прижимая котёнка к груди. - Он... теперь... мой.

Котёнок вдруг замер. Поднял голову, повёл ушами. Посмотрел на Нику - долго, внимательно, совсем по-человечески. Потом вдруг выскользнул из её рук - мягко, ловко, как вода - спрыгнул на землю и побежал.

- Стой! - крикнула Ника. - Куда... ты? Вернись!

Котёнок пробежал несколько метров, остановился. Оглянулся. Глаза его - зелёные, необыкновенные - смотрели прямо на Нику. И в этом взгляде было что-то такое... что-то, от чего у Ники замерло сердце.

- Mam, - прошептала она. - Он... зовёт... нас.

- Котёнок не может звать, - сказала Анна, но сама чувствовала - что-то не так. Что-то было неправильно в этом взгляде, в этой тишине, в этом внезапно наступившем безветрии. Даже листья перестали падать.

- Иди... за ним, - сказала Ника. - Пожалуйста. Иди.

Анна толкнула коляску. Котёнок побежал - не быстро, не медленно, так, чтобы они поспевали. Он вёл их через парк, мимо старых лип, мимо скамеек, мимо песочницы, в которой давно не было песка - только мокрые листья и окурки.

Котёнок свернул с аллеи, нырнул в кусты. Анна раздвинула ветки - шиповник, колючий, цепляется за одежду - и выкатила коляску на поляну.

Это была круглая поляна, выкошенная почти до земли. Трава здесь была короткой, ярко-зелёной - как летом, хотя на дворе стояла глубокая осень. И пахло здесь иначе - не полынью и гнилыми яблоками, а мёдом и хвоей. Сосновым лесом, которого в этом парке не было.

- Странно, - сказала Анна, оглядываясь.

Котёнок сидел в центре поляны. Сидел на задних лапках, смотрел на них, и на его золотистой шёрстке играли солнечные зайчики - хотя солнце было сбоку, и зайчикам неоткуда было взяться.

- Mam, - прошептала Ника. - Смотри.

И Анна посмотрела.

Между небом и землёй, прямо над котёнком, возник столб света. Он не падал сверху - он рос из земли, как стебель невиданного цветка. Белый, ослепительный, переливающийся всеми цветами радуги. Котёнок сидел внутри него и не исчезал - наоборот, становился чётче, ярче.

- Что это? - спросила Анна шёпотом.

- Не... знаю, - ответила Ника.

Столб света расширился. Он коснулся коляски. Коснулся Анны, коснулся Ники, и в этот момент Ника почувствовала - всем телом, каждой дрожащей мышцей, каждой клеточкой - как что-то меняется. Не больно, нет. Просто - мир пошёл рябью, как отражение в воде, когда бросаешь камень.

- Мама... - успела сказать Ника. - Я... боюсь.

- Держись за меня, дочка, - ответила Анна и схватила Нику за руку.

А потом была вспышка.

Белая, ослепительная, невыносимая.

И тишина.

Ника закрыла глаза, когда свет стал невыносимым. А когда открыла - небо над ней было фиолетовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.